

II.

Правленіе боярь.

Любимецъ Елены, князь Телепневъ-Оболенскій, былъ предоставленъ теперь собственнымъ силамъ. Тотчасъ же среди смуть почва заколебалась подъ его ногами. Покойная правительница еще умѣла сдерживать своихъ враговъ; теперь они устремились къ трону, чтобы насладиться легкимъ мщеніемъ. Партія Елены пала: надъ ея развалинами подымали голову Шуйскіе. Будучи связаны съ престоломъ узами родства, они, однако, не удовлетворялись въ своихъ притязаніяхъ цѣлями временнаго господства. Какъ и Василій съ Иваномъ, они принадлежали къ потомству Александра Невского. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они представляли собой старшую линію династіи, въ которой царствующій домъ являлся лишь одной изъ младшихъ вѣтвей. Легко понять, какъ далеко заносились ихъ честолюбивыя мечтанія. Въ какихъ-нибудь восемь дней они расправились съ княземъ Оболенскимъ: и онъ, какъ другіе, исчезъ въ подземной темницѣ. Такъ Иванъ лишился своего опекуна; скоро у него отняли и кормилицу, Аграфену. Она была сестрою Оболенскаго и должна была раздѣлить его участь. Къ Василію Васильевичу Шуйскому присоединился двоюродный братъ его—Андрей, только что выпедшій изъ заключенія. Однако, скоро оба они очутились лицомъ къ лицу съ новымъ выходцемъ съ того свѣта. Изъ открывшихся темницъ на поприще борьбы устремлялись цѣлыя тучи соискателей власти. Между ними оказался и князь Иванъ Бѣльскій, который не намѣренъ былъ никому уступать въ своихъ притязаніяхъ. Въ противовѣсъ Рюриковичамъ онъ опирался на предка своего, литовца Гедимина. Отецъ Бѣльскаго, Ѳеодоръ, женатъ былъ на племянницѣ Ивана III, княжнѣ рязанской. Спасаясь отъ преслѣдованій Елены, братъ его, Семень, бѣжалъ на чужбину. Скитаясь по Польшѣ, по Крыму, попавъ даже въ Константинополь, онъ искалъ тамъ не столько убѣжища, сколько политическаго союза. Его мечтою было—вернуть свои наслѣдственные владѣнія—Бѣльскъ и Рязань, насильственно присоединенныя къ московской державѣ.

Такимъ образомъ, дѣлу младшихъ Рюриковичей угрожала опасность. Оно уже колебалось среди борьбы, которая съ 1538 до 1543 г. сдѣлала Москву мѣстомъ насилій и кровопролитія. Только жестокое соперничество Шуйскихъ съ Бѣльскими и ихъ свирѣпое взаимоистребленіе спасли самого Ивана и сохранили въ цѣлости его наслѣдіе.

Однако, царственному дитяти пришлось пережить ужасныя испытанія. Въ упоеніи торжествомъ, Шуйскіе переходили всякую мѣру: они грабили богатства царя, разыгрывая изъ себя полновластныхъ государей. Послѣ смерти Василя Васильевича, главою Шуйскихъ сталъ князь Иванъ. Онъ забывалъ всякое уваженіе къ государю... «Одно припомню: бывало, мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ!» писалъ впоследствии Грозный Курбскому. Онъ вспоминалъ, какъ нѣкогда тотъ же Шуйскій ходилъ въ ветхой мухояровой шубейкѣ, а потомъ, восторжествовавъ надъ соперниками, сталъ ѣсть на золотѣ. «Такъ если бы у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бы шубу перемѣнить!... Какой нужды не потерпѣлись мы въ одеждѣ и пищѣ!...» Бояре не щадили и привязанностей новаго государя. Вслѣдъ за кормилицей отъ него удалили въ 1543 году перваго любимца его—Федора Семеновича Воронцова. Преслѣдуя его, Шуйскіе ворвались въ «столовую избу» Кремля; они били его по лицу, угрожали ему лютою смертію. Только заступничеству митрополита былъ обязанъ несчастный Воронцовъ своей жизнью: однако это, не помѣшало его ссылки въ Кострому. Впрочемъ и сама митрополичья власть не устояла отъ ударовъ. При каждомъ новомъ переворотѣ, восторжествовавшая сторона старалась смѣнить митрополита. Такъ, въ 1539 г. на мѣсто Іоасафа Бѣльскіе посадили Даніила. Въ 1542 году вновь взяли верхъ Шуйскіе: Иванъ Бѣльскій былъ сосланъ на Бѣлое озеро; вмѣстѣ съ нимъ кара постигла и Іоасафа. Не легче была судьба и мѣстныхъ областей государства. Особенными жестокостями и безпорядками отличалось правленіе Шуйскихъ. Только Новгородъ они щадили, такъ какъ имѣли тамъ своихъ приверженцевъ; зато въ другихъ мѣстахъ, по свидѣтельству современниковъ, намѣстники Шуйскихъ вели себя, «какъ лютые звѣри». Города пустѣли; кто могъ,—старался спастись бѣгствомъ. Между прочимъ, бѣжалъ за границу итальянскій зодчій Фрязинъ. Онъ былъ вызванъ еще Василиемъ и уже совсѣмъ было поселился въ русскомъ государствѣ: но теперь скрылся и онъ,—какъ разъ тогда, когда долженъ былъ заняться нѣкоторыми крѣпостными сооруженіями въ Себежѣ. Епископу Дерптскому онъ объяснял свой поступокъ тѣмъ, что бояре дѣлаютъ жизнь въ землѣ Московской совершенно невозможной. Бѣльскіе выказали себя болѣе человѣчными и разумными правителями. Именно, въ пору ихъ недолгаго господства были предприняты нѣкоторыя мѣропріятія, подготовлявшія бу-

дущее самоуправленіе общинъ. Но, какъ и Шуйскіе, Бѣльскіе умѣли пользоваться властью не иначе, какъ только злоупотребляя ею.

Государство изнывало подъ невыносимымъ гнетомъ боярской тираниіи. Но и будущему государю дѣянія бояръ подавали самый печальный примѣръ. Благодаря имъ, духъ насилія все болѣе и болѣе овладѣвалъ воображеніемъ и чувствами Ивана. Все существо юнаго царя прониклось этимъ тлетворнымъ вліяніемъ. Въ атмосферѣ непрестанной борьбы за власть созрѣвалъ будущій деспотъ—мстительный, нервный до крайности, вспыльчивый и порой безчеловѣчный. вмѣстѣ съ товарищами дѣтства, которыхъ выбирали ему другіе, Иванъ уже предавался жестокимъ потѣхамъ. Впрочемъ, здѣсь опять сказывалась зараза среды. На глазахъ царя мучили людей; онъ еще не могъ дѣлать то же самое,—и утѣшалъ себя, предавая мученіямъ животныхъ. Любимой забавой Ивана было бросать собакъ изъ верхнихъ теремовъ дворца и смотрѣть на ихъ предсмертныя судороги. Ему не мѣшали: его даже подстрекали. Но скоро должна была прійти очередь людей...

При такомъ воспитаніи Ивана было безуміемъ со стороны Шуйскихъ и Бѣльскихъ надѣяться надолго сохранить власть при юномъ государѣ. Вѣдь у Ивана уже начинала пробиваться борода; вѣдь къ своему положенію онъ уже относился вполне сознательно. Молодой царь видѣлъ людей, которые, внѣ посторонняго глаза, осмѣливались оскорблять его и обижать, ссорились изъ за его наслѣдія и постоянно его расхищали... Но наступала какая-нибудь официальная церемонія: происходило придворное торжество, или являлись послы иностранной державы,—и тѣ же самые люди, уже какъ должностныя лица, рабски преемыкались предъ нимъ, простираясь ницъ у его трона. Очень скоро изъ всѣхъ этихъ наблюденій Иванъ долженъ былъ сдѣлать свой выводъ. Въ сентябрѣ 1543 года онъ позволилъ еще сослать Воронцова, но уже въ декабрѣ—онъ приказалъ своимъ псарямъ схватить самого Андрея Шуйскаго. Разумѣется, онъ раньше убѣдился въ покорности этой челяди. Псари повиновались и даже переусердствовали, исполняя приказаніе Ивана: они задушили боярина вмѣсто того, чтобы отвести его въ темницу. Иванъ рѣшилъ, что такъ и надо было сдѣлать,—и всѣ поняли, что въ государствѣ совершилась перемѣна. Правительственный порядокъ оставался, можетъ быть, прежнимъ. Зато, несомнѣнно, явился новый правитель.

Тѣ бояре, которыхъ еще не тронули, продолжали вершить государственныя дѣла по своему. Однако, они уже не смѣли перечить царю,

который задолго до Людовика XIV сумѣлъ показать имъ, что «государство—это я». Что же дѣлалъ Иванъ? Теперь онъ скакалъ по улицамъ, избивалъ народъ, насиловалъ женщинъ... При этомъ со стороны своихъ приближенныхъ онъ слышалъ лишь восторженные одобренія. Въ свитѣ его былъ и Ѳеодоръ Воронцовъ, который успѣлъ вернуться изъ ссылки. Но милости молодого государя обращались уже на менѣе знатныхъ и родовитыхъ слугъ. Онъ полагалъ, что они будутъ и послушнѣе, и доступнѣе для всѣхъ его капризовъ. Среди боярства Иванъ со страхомъ угадывалъ новыхъ Шуйскихъ; конечно, имъ онъ предпочиталъ своихъ псарей. Въ маѣ 1546 года царь охотился въ окрестностяхъ Коломны. Внезапно дорогу ему преградилъ вооруженный отрядъ. Оказалось, что это—пищальники новгородскіе, которые явились съ какою-то жалобой. Иванъ ничего не понималъ въ этихъ дѣлахъ; поэтому онъ приказалъ прогнать новгородцевъ. Произошла свалка, началась даже перестрѣлка. Молодой царь остался невредимъ. Однако, онъ былъ страшно перепуганъ. Вообще, Ивану никогда не хватало физической храбрости. Вполнѣ возможно, что этотъ недостатокъ былъ у него наслѣдственнымъ. Но, помимо того, Иванъ напуганъ былъ еще съ дѣтства: съ тѣхъ поръ, повидимому, и развилась въ немъ та нервная впечатлительность, благодаря которой онъ дрожалъ и терялся при малѣйшей тревогѣ. Иванъ ускакалъ прочь, но, вообразивъ себѣ цѣлый заговоръ, приказалъ произвести разслѣдованіе. Одинъ простой дьякъ, Василій Захаровъ, только и ждалъ такого случая, чтобы попасть въ царскіе любимцы. Ему легко удалось обратить на себя вниманіе Ивана, примѣшавъ къ дѣлу Воронцова съ родней, которые уже были на подозрѣніи и даже наполовину въ опалѣ. Способный ученикъ разомъ превзошелъ своихъ воспитателей. Фигура Грознаго появилась на сценѣ. Началась работа палача на плахѣ,—съ тѣмъ, чтобы уже почти не прекращаться. Ѳеодоръ Воронцовъ и одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ его были казнены. Остальные соучастники мнимаго заговора подверглись ссылкѣ.

Быть можетъ, Захаровъ былъ и не единственнымъ виновникомъ этой кровавой расправы. Среди придворныхъ Ивана, въ кругу ближайшихъ ему людей, уже стоялъ челоуѣкъ, характеръ и дѣятельность котораго были превознесены впоследствии извѣстнымъ направленіемъ историковъ. Его имя связывалось съ самой блестящей порой новаго царствованія: его внушеніямъ приписывали и сокращеніе казней, и рядъ благородныхъ попытокъ и славныхъ дѣяній Ивана. Какъ и

Захаровъ, не имѣя за собой знатныхъ предковъ, Алексѣй Адашевъ съ 1543 года состоялъ уже при царскомъ дворѣ. Здѣсь, по спискамъ, онъ числился въ постельникахъ. Нѣсколько ниже я попытаюсь подробно выяснитъ характеръ и дѣятельность этого историческаго лица.

Въ концѣ этого же 1546 года, Иванъ собрался болѣе рѣшительнымъ образомъ ознаменовать начало своего самостоятельнаго правленія. 17-го декабря по Москвѣ разнеслось извѣстіе, что Великій князь рѣшилъ сочетаться бракомъ съ дѣвицей русскаго рода.
